

Кумир поверженный — всё Бог.

М. Лермонтов

— Дед, скажи, что такое «задрыга»?

Владимир Александрович отложил газету и внимательно взглянул на внука.

— Как ты сказал? Задрыга?

— Ну да! Или ты не знаешь?

— Видишь ли, знать-то я знаю, а вот как объяснить тебе, ума не приложу.

— Да уж как есть, я не маленький!

— Ладно! Ты Розу с первого этажа помнишь?

— Она — задрыга?

— На мой взгляд, именно так! А впрочем... —

Владимир Александрович пожал плечами.

— А что такое Мухлынь?

— Мухлынь? Понятия не имею! Первый раз слышу, но... А ты где это все взял?

— У мамы. У нее рукопись готовая на столе лежала, и первая глава называется «Две задрыги из Мухлыни».

— Прелестно! Что-то подобное я подозревал. Ну, в таком случае «Мухлынь» это, скорее всего,

весьма захолустный населенный пункт, а две задрыги, по-видимому, две провинциальные золушки, которым предстоит в конце маминого романа победить столицу и найти своих принцев. На белых мерседесах.

— Дед, как ты думаешь, Мухлынь существует?

— Спроси у мамы. А что, тебе захотелось поехать в эту самую Мухлынь? Должен сказать, что если твоя мать это придумала, то придумка неплоха! Что может быть в этой Мухлыни хорошего? От нее веет такой сонной одурью пополам с мухами... И во всех торговых точках этой Мухлыни с потолка свисают липкие ленты, сплошь покрытые дохлыми мухами. Весьма художественное название, говорящее, так сказать... Интересно, это город или деревня?

— Дед, а почему ты маминых книжек не читаешь?

— Да зачем мне? Я и так знаю, что там все хорошо закончится.

— Это разве плохо?

* * *

«— Марина Борисовна, повторяю, спрячьте ваш темперамент, он тут ни к чему, это совсем другая роль! Зритель не должен догадываться, что вы на самом деле не мямля, а горячая штучка, понимаете? — снова напустился на меня главный.

— Валентин Георгиевич, мне кажется...

ДВА ЗАЙЦА, ТРИ СОСНЫ

— Мне абсолютно наплевать, что вам кажется! Извольте выполнять мои указания и соблюдать рисунок роли! Сергей Юрьевич, а вас прошу почетче произносить текст, повторяем еще раз! Пошли!

Я постаралась спрятать в карман темперамент, хотя, по-моему, это бред, лобовое неинтересное решение. Она мямля, а в конце вдруг неожиданно взрывается. На мой взгляд, куда интереснее, если зритель что-то заподозрит, тогда и за моей героиней наблюдать будет интереснее, а так вообще непонятно, зачем она тут болтается, только раздражает... Но главный ничего не желает слушать, да и кто я такая для него? Актрисулька, которая не смеет вякать, когда мэтр дает указания. Вот с Юркой он уже не позволяет себе хамства, сознает, что тот в любой момент может сделать ему ручкой. Юрку сейчас в любой театр возьмут с восторгом. А он ведь тоже долго прозябал...

— Марина Борисовна, прошу вас, встаньте у окна спиной к зрителю, здесь должна играть только ваша спина.

Я подчинилась, но очевидно моя спина так явно выражала ему мою ненависть, что в какой-то момент он вдруг подскочил ко мне и больно ударил по спине.

— Черт бы вас побрал, спрячьте темперамент! Или вы настолько бездарны, что не...

Я не выдержала:

— Да, я настолько бездарна, что не...

У него в глазах отразилось безмерное удивление: эта особа еще смеет открывать рот?

— Все! Не могу больше, я ухожу! Говорят, вы вытаскиваете все из актеров, ерунда, вы вытаскиваете только там, где уже все и так давно ясно, как с Великановым, как с Юрочкой, например! А меня вы губите, и я ухожу! — Я, наконец, дала волю своему темпераменту, который он так ненавидел. — Вам нужны вялые послушные куклы, я не из их числа! Думаете, сделали несколько скандальных спектаклей, так уже и Товстоногов?

— Вон отсюда! — холодно проговорил он.

— Я уйду, не сомневайтесь! И пусть вам будет хуже! Потому что даже моя спина в сто раз выразительнее, чем... Вы же прочитали по ней, как я вас ненавижу!

Я бросилась прочь со сцены. И ни одна сволочь не побежала за мной. А ну их всех к чертям собачьим!»

Я перечитала написанное. Ничего, получилось, по крайней мере, на первый взгляд. Правда, не очень понятно, что дальше делать. Сцена для начала чересчур ясная и однозначная. Сейчас Марина либо должна утопиться, либо встретить принца. Но для принца еще рано... И мои героини не топятся... А может, пусть бросится в реку, а принц ее спасет? Фи... Ладно, пожалуй, надо пройтись, проветрить голову... Зайду в магазин, куплю какой-нибудь еды, а то в холодильнике пусто. А может поехать к маме? Гошки нет, он уехал к деду на каникулы... Нет, мама в отсутствие Гошки начнет требовать, чтобы

ДВА ЗАЙЦА, ТРИ СОСНЫ

я «устроила свою личную жизнь»! И вдруг зазвонил телефон.

— Олесечка, ты работаешь?

— Лерка, как хорошо, что ты позвонила, я как раз хочу сделать перерыв.

— В таком случае, Олесечка, давай сегодня пообедаем в «Пушкине», а?

— Это с какой радости? — удивилась я. Обычно мы с ней обедаем в более скромных заведениях.

— Есть повод, вернее, необходимость...

— Необходимость?

— Да, я тебе при встрече объясню, только давай лучше поедем на твоей машине, моя что-то вчера барахлила... — голос у Лерки был какой-то смущенно-лживый.

— Лер, ты опять дурью маешься?

— Маюсь, и что? Кисло тебе в «Пушкине» пообедать? Я приглашаю.

— Ладно, щей тамошних хочется! — согласилась я.

* * *

— Ну в чем дело? — спросила я, когда Лерка плюхнулась на сиденье моей машины.

— Ой, Олесечка, у Гришки там сегодня свиданье с какой-то Розой! Я должна на нее посмотреть.

— Тебе не надоело?

— Нет! Я должна охранять свое счастье!

— По-твоему это счастье?

— Да! Для меня счастье!

— Ладно, будем охранять. Но откуда ты узнала про свидание?

— Слышала! Утром кто-то позвонил, а он закричал так радостно: «О, привет, Роза! Наконец-то! Сколько лет, Роза!» И договорился в два часа пообедать в «Пушкине».

— Но может, это деловой обед?

— Ну прямо! Это что-то из прошлого... Может, там ничего и нет, но я хочу своими глазами ее увидеть...

— А мы не рано? Только еще полвторого...

— Гришка придет ровно в два, мы должны уже сидеть... И место надо выбрать поудобнее, он всегда сидит у окна...

— А если у окна будет занято?

— Глупости, он позвонил и заказал столик.

— А если он все-таки нас увидит?

— Ну, вряд ли, я сяду спиной, а наблюдать будешь ты!

— Ну нет, я так не согласна!

— Почему?

— Ты не дашь мне спокойно поесть!

— Ты что, жрать собралась?

— Именно!

— Счастливая, а мне кусок в горло не ползет!

— А если эта Роза страшней торпедной атаки?

— Еще хуже...

— Почему?

— По кочану! Тогда я буду мучиться, что он в ней нашел...

* * *

Мы сели так, чтобы обе могли видеть Гришин столик, но не бросаться ему в глаза. Роскошные Леркины волосы мы убрали под мою новую шляпку. Лерка принципиально не носит головных уборов.

Я стала листать меню, хотя в «Пушкине» всегда беру одно и то же — полпорции суточных щей и бефстроганов.

Лерка заказала себе полусырого тунца.

— Явился, не запылится, — прошипела она.

— Роза не пришла, что ли?

— Откуда я знаю? Может, она должна прийти прямо сюда... Хорошо бы она его продинамила.

— Не пялся так, он может почувствовать...

— О, Роза! — раздался возглас. Мы обе повернулись в ту сторону. К Гришке подошел мужчина не первой молодости. Гришка вскочил, и они обнялись.

— Привет, старик!

— Привет, Роза!

Меня стал душить смех. Лерка сидела с открытым ртом.

— Что это такое? — прошептала она. — Он что ли голубой? Почему этого здоровенного мужика зовут Розой?

— Скорее всего это кликуха, на голубых они совсем не похожи, скорее уж на друзей детства.

— Ты уверена? — пристыженно пробормотала Лерка.

— В чем?

— Ну, что они не...

— Голову на плаху не положу, но руку на отсечение дам.

— О господи! Но почему же Роза?

— Может, он Розов или Розенблюм... Или, предположим, он в детстве мечтал о дальних странах и в тетрадках рисовал розу ветров...

— Господи, ну и фантазия у тебя! Ты уж небось ему биографию сочинила.

Все вышло вполне удачно. Гриша сидел спиной к нам.

— Олесь, я сбегаю вниз, приспичило, а ты когда я буду возвращаться, подай мне знак...

С этими словами Лерка побежала к выходу. Какая она изящная и красивая. А сколько ей пришлось намыкаться, пока она не встретила свое «счастье». Вот и боится за него...

Тут мне подали щи, аккуратно сняв с горшочка легкое пропеченное тесто. Я никогда не могла устоять и не съесть эту вкусноту. А Лерке подали какие-то воздушные листья. Черт, как хорошо не бояться за свое счастье, как вкусно...

ДВА ЗАЙЦА, ТРИ СОСНЫ

— Жрешь? — с завистью спросила Лерка. — А там между прочим... Не хочу тебя огорчать, но там...

— Что?

— Я в гардеробе видела Миклашевича... с бабой. Они уже уходили.

— И что?

— А тебе уже наплевать, да?

— Да! С высокого дерева! А если ты думала, что не наплевать, зачем сказала?

— О, прости, прости, я думала, что наплевать...

— Так и вправду наплевать.

— Честно?

— Честнее не бывает.

— Слушай, а я ведь толком так и не знаю, из-за чего вы расстались?

— Из-за местоимения.

— Из-за чего?

— Из-за местоимения. Понимаешь, он человек, который знает только одно местоимение: Я!

— А разве у мужиков не всегда так?

— Не всегда, хотя и часто. Но не всегда!

— А какое тебе местоимение от него нужно было? Мы?

— Ну, о «мы» я и не мечтала, мне не нужно, но хотя бы «ты»...

Между тем Гриша с Розой увлеченно беседовали, выпивали. Лерка расслабилась.

— Хорошо тебе, вкусно, да?

— Ци были классные!